

**Проблема проработки
имперско-советского прошлого**

О СОБСТВЕННОМ, ПРОШЛОМ, ВАРВАРАХ И КУЛЬТУРЕ*

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: В размышлениях о том, как сделать Россию успешной и благополучной страной, внимание, как правило, концентрируется на понятии «собственность», волнующем активных граждан. В недавние времена их стремление стать первыми в вещном и ресурсном переделе советского наследия объяснялось не только материальным интересом, но и осознанной истиной, что у всего должен быть хозяин. И хозяин появился. Но за первым переделом последовал второй, а за вторым — третий.

В тотальной гонке за обладание (удержание, передел) собственности страна не становится лучше. Многие уезжают, а шаткое благополучие остающихся, как правило, держится не на их собственных талантах, а на том, что однажды стране дал Бог. В статье автор задаётся вопросом, что делать в сложившейся ситуации. «Секрет» неуспеха, по его мнению, состоит в том, что сама по себе собственность не рождает благо. Собственность — предмет и возможность развития в людях таланта, их родного — «собственно-го».

Ключевые слова: личность, общество, политика, история, культура, собственность, варвары, благо, потребности, способности.

* * *

«Собственное» и «собственность» — фундаментальные явления, формирующие природу общественно-экономического уклада, общество, государство, человека. От того, насколько глубоко они укоренены, успешно и гармонично сосуществуют и воспроизводятся, зависит творческая активность индивида, конкретные проявления экономической, политической, социальной и культурной жизни социума, в конечном счёте его прогресс или деградация.

В своих юношеских представлениях о будущем счастливом обществе, когда развитие личности станет «самоцелью», а «свободное развитие каждого делается условием свободного развития всех», Маркс не мог пройти мимо означенной проблемы. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» [Маркс 2010] он описывает процесс развития «собственного» как превращение задатков способностей и потребностей человека («природных сущностных сил») в «очеловеченные сущностные силы». При этом Маркс, как известно, ошибся

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00192 «Образы прошлого в культуре и общественном сознании россиян XX — начала XXI века. Социально-философский анализ».

в понимании природы частной собственности. Явившая себя в условиях раннего капитализма врагом человеческого рода, коммунистами она была назначена к уничтожению. С тех пор в России прочно забыли о необходимости гармонизации человеческого «собственного» и собственности, попеременно пытаясь развивать то одно, то другое.

* * *

Отъем у городской и сельской буржуазии собственности, начавшийся с первых шагов советской власти, первоначально не приводил к дисгармонии «собственного» и собственности, поскольку, как правило, сопровождался физическим устранением носителей «собственного». Однако скоро масштабные эксперименты показали, что совокупный полезный эффект, который даёт соединение «собственного» и собственности (нэп) при их разрыве (коллективизация) исчезает, более того чреват катастрофой. Интуитивно почувствовав это, советская власть начала предпринимать попытки изобрести конструкцию, при которой человеческое «собственное» было бы так связано с собственностью, лишённой индивидуального хозяина, как если бы такой хозяин на самом деле был. Это особенно отчётливо видно на примере отечественного сельского хозяйства, в которое попеременно внедрялись разные властные придумки — хозрасчёт, бригадный и семейный подряд, идея «хозяина на земле» и т. п. Крах, тем не менее, наступил.

К сожалению, в деле гармонизации «собственного» и собственности наше время вряд ли более успешно. После крушения социализма быстро стало ясно, что одно лишь упразднение этого общественного строя и усилия по форсированному внедрению в жизнь прежде гонимого собственнического начала успеха не сулят. В паре «собственное — собственность» мы снова пренебрегаем их целостностью. Разница лишь в том, что если в недавнем прошлом старательно изобретали и пытались растить нового, развивающего свое «собственное» коммунистического человека, то теперь взяли за выборочное допущение собственности в модели «человека капиталистического», а «собственным» пренебрегли.

Более того: ограниченно развитое предшествующей общественной стадией человеческое «собственное» сегодня не без цели в массе своей делается все более примитивным, аморальным, даже диким. И процесс этот своим результатом объективно способствует удержанию в руках нынешних крупных собственников того, что было ими захвачено в результате первоначального дележа и последующих переделов. По этой причине вместо целенаправленного культивирования в людях «собственного», запущен механизм формирования легко управляемой человеческой массы, равнодушной как к собственности, так и к своему «собственному». (О продукте этого процесса — людье — я писал в статье «О качестве человека», опубликованной в журнале «Политическая концептология» № 2 за 2014 год [Никольский 2014]).

Правомерен вопрос — были ли в нашей истории времена, когда человеческое «собственное» и собственность органично соединялись? Отвечаю: были. Показательный пример — сельское хозяйство начала прошлого столетия.

После отмены крепостного права и быстро преодоленного шокового состояния эта сфера экономики бурно развивалась. Значительная часть крестьянства успешно реализовала возможность соединения присущего им «собственного» — интереса и способностей к аграрным занятиям — с реальной собственностью на земельные наделы, средства производства, продукты труда. Этот процесс дополнительно стимулировался просвещением и организацией, привнесёнными из города людьми умственных занятий. В результате в предвоенные годы деревня почти сплошь стала кооперативной. Кредитная, снабженческая, сбытовая, потребительская кооперация охватывали три четверти крестьянских дворов. Кооперативное движение, по оценке специалистов, сделалось самым сильным в мире. Среди всех видов кооперации не

было только одного — производственной (позднейших колхозов), — хотя взаимная помощь существовала во многих формах. Темп роста аграрного сектора достигал десяти процентов в год, а по объёмам производства он вышел на первые позиции в мире. Однако поскольку остатки помещичьего землепользования сохранялись и в деревне ощущался «земельный голод», лозунг «Земля — крестьянам» был поддержан многими.

Не буду говорить о послереволюционных большевистских аферах и прямом насилии с целью ликвидации «мелких сельских хозяйчиков» — потенциальных непримиримых врагов новых правителей. Мощный удар установившейся власти был направлен на кооперацию — рассадник гармонического единства собственности и «собственного». С Октябрьского переворота и вплоть до предсмертных якобы-прозрений «вождь мирового пролетариата» считал кооперацию врагом № 1 и всячески её уничтожал, справедливо полагая, что у кого хлеб, у того и власть.

Не найдя сил сразу, «скачком» переместиться в коммунизм, большевики были вынуждены вновь дать ход ещё до конца не уничтоженному гармоничному соединению «собственного» и собственности. Однако с самого начала НЭП по замыслу его творцов был «временной передышкой», ставил цель «сделать верёвку более свободной, н е р а з р ы в а я её, отпустить полегче» (Ленин).

Затянутый Октябрь эксперимент по уничтожению собственности был продолжен при одновременных усилиях создать коммунистического гомункулюса, для чего на идеологическом асфальте кое-где разбивали клумбы для выращивания человеческого «собственного». Однако цель достичь гармонии «собственного» и собственности, естественно, не ставилась [Никольский 2003]¹.

На рубеже второй половины 80-х — начала 90-х в стране забрезжила возможность вернуться к позитивному опыту кооперации предоктябрьского периода и НЭПа. Однако и в этот раз желаемое единство не возникло. В сельском хозяйстве затягивание земельного передела имело целью наделения землёй исключительно «активных» граждан — то есть, власть имущих. А для тех, кто в аграрных занятиях видел реализацию «собственного», звёздный час, за редким исключением, так и не настал. То же, как правило, происходило и в других секторах общественного хозяйства. А потом наступило время переделов с целью обладания собственностью ради неё самой.

* * *

В разрыве человеческого «собственного» и собственности велика роль отечественной традиции и порождаемой ею инерции. Не считая монгольского ига, а лишь начиная с закрепощения при Иване Грозном, ей без малого шесть веков. Безраздельная собственность крепостничества, ограниченная собственность пореформенного периода, лицемерная советская собственность. И во все времена — традиция основанного на собственности насилия — физического, психологического, материального, идеологического.

Упоение собственностью и небрежение «собственным» — отличительная черта и нашего времени. Человеческое «собственное» если где-то пробивается, то не благодаря, а вопреки, и случается это исключительно редко. В общественной жизни (начиная со школы), индивидуальное «собственное», как правило, не живёт. Неутомимыми трудами новой бюрократии процесс становления (выращивания) личности заменён оказанием «образовательных услуг», да и то, «предоставляющий» их учитель погребён бумажной лавиной, зажат тисками требований единомыслия и верности «скрепам», распространившейся атмосферой безграмотной нахрапистости и холопства. Предлагаемыми обстоятельствами он далеко отодвинут от исполнения

¹ Подробнее см. соответствующие главы в книге.

своей изначальной общественной роли наставника-творца, помогающего пробиться наружу природным задаткам и способностям воспитанников.

Такие же образовательные условия ждут молодых людей в вузе. Однако здесь они вдобавок к прежним запахам начинают ощущать токи, идущие от взрослой «успешной» жизни. А в мире взрослых скреплённые в единое целое социально-политическими узами «успешные» субъекты власти и собственности озабочены одним — сохранением status quo. Им в самом деле трудно — опасности грозят не только изнутри, но и извне. Поэтому даже мысль о конкурентном включении в мировое разнообразие воспринимается не иначе, как конец света. Почему так?

С одной стороны, содержательная производственная, общественная и культурная соревновательность потребовали бы кардинального пересмотра декларируемой парадигмы традиционности, покоящейся на небрежении рациональностью и её основными материальными воплощениями — культурой и правом. И такая традиция в нашей гуманитарной мысли, к сожалению, действительно есть. Это, например, идеи столпов славянофильства, высказанные полтора столетия назад в спорах с так называемыми западниками. Вот, например, два тезиса: «Чем историк и летописец древнее и менее учен, тем его показания вернее и многозначительнее». И далее: теперь «...самый ход истории... обличил во многом ложь западного мира», который либо принципиально не может понять основы жизни славян, либо испытывает к ним скрытую зависть. К счастью, — продолжает автор, — России до сих пор удавалось благополучно избегать как заблуждений ума, так и изысков формального права. У нас просветительские и правовые функции с древности отправляли православные монастыри, церкви и отшельники, которые как сетью накрывали всю Россию и посредством которых ко всеобщему благу «распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало помалу переходили в общее убеждение, убеждение в обычай, который заменял закон, устраивая по всему пространству земель, подвластных нашей Церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни» [Хомяков 1994: 49–55, 462–463]. Ничего не напоминает?

Неизбежная в условиях глобализации международная конкуренция смыслами и ценностями культур требует прежде всего серьёзного усвоения обществом своих собственных духовных богатств. Мы же, кичась нашими действительными богатствами и не допуская мысли о каком-либо ученичестве в какой-либо сфере общественной жизни, пока преуспеваем лишь в одном — их небрежении. Одичание, похоже, зашло настолько далеко, что представление о сокровищах собственной культуры потеряно. При этом вызывает изумление наглость, демонстрируемая с каждым днём все активнее нашими «новыми дикарями». Дело уже не просто в невежестве, при котором «дикие» набираются смелости нагло демонстрировать свое невежество и аморализм, тем не менее, зная, что есть высокое, но отвергая его. Вспомним, нетленное: «знаю, что Пастернак написал роман, как говорят, великий роман. И хотя я его не читал, но автора осуждаю». Нет, теперь явлен новый уровень дикости, когда о существовании высокого «диким» действительно ничего не известно и они, выпячивая себя, руководствуются лишь рекламным слоганом: «Ведь мы этого достойны». Похоже, в безоглядной погоне за собственностью наше время создало ранее не известный истории человекоподобный тип — дикаря воинствующего и убеждённого, что он венец творения.

Сказанное может быть легко предано анафеме, поскольку такого рода размышления угрожают утвердившейся у нас формуле общественно-экономического бытия «„моё“ — доход — новое „моё“» и требуют пересмотра сложившейся системы организации и управления общественной жизнью, включая соиздание оптимальной формы соединения собственности и «собственного». На мой взгляд, именно таков безотлагательный общественный императив,

без исполнения которого в новом мире у нас нет будущего. Реализация человеческого «собственного» — то дело, которым занят XXI век. Когда он наступит в России?

* * *

С начала XX столетия и в особенности после Второй мировой войны возможности человека по поддержанию себя как физического тела значительно расширились и стали для многих легко доступны. С этого же времени начало кардинально меняться и соотношение между собственностью и «собственным». Перестав быть тем, что концентрировалось у очень малой части общества (хозяев) и сделавшись доступной для широких слоёв, собственность утратила свое определяющее значение, сбросила сакральные одежды. Значение же человеческого «собственного», напротив, начало расти.

Параллельно произошли изменения в формах легитимации людей в обществе. Если вчера «хозяевами жизни» были собственники и в конечном счёте именно в соответствии с их представлениями о должном строилось общественное здание, то с доминированием «собственного» порядок жизни меняется. Главным двигателем перемен стала свобода. Именно свобода как самозаконотворительный и произвольный поиск путей развития «собственного» делает возможным его превращение из потенциальности в актуальное. При этом, реализация «собственного» одного индивида определяется общественной средой, в которой «собственное» реализуют не отдельные люди, а многие. Свобода стала функцией человеческого «собственного» и начала задавать алгоритм развития общества, в котором собственность утрачивает прежнее центральное место и становится лишь одним из условий становления полноценного человека.

Сделавшись доминирующим началом, человеческое «собственное», далее, кладёт разумный предел количественному росту собственности. Из истории известно о «чудаках» — крупных собственниках, которые, не смотря на рост богатства, не меняли своих занятий, стиля жизни, круга друзей, уровня потребления. Но также известны примеры жизни собственников, увлекавшихся «золотыми унитазами». Разница очевидна. Одни жили, развивая и материализуя свое «собственное» и привлекали для этого ровно столько собственности, сколько требовалось этому процессу. Другие же ничего не сделали для того, чтобы обрести полноту жизни посредством развития своего «собственного». Напротив, погрузились на дно примитивной гомогенности.

Что же с этой точки зрения происходит в современной России? Небрежение человеческим «собственным» и упрямое, как и двести лет назад, укрепление собственности. И снова — лишь в строго ограниченной форме для разного рода «своих», не допуская её развития и смыкания даже в малых формах с человеческим «собственным» для «чужих». Логика этих деятелей и их опасения, связанные с процессом количественного возрастания собственности понятны: велика опасность рождения человека, культивирующего свое «собственное», а, значит, человека свободного.

Впрочем, небрежение собственным в современной России укладывается в более широкий контекст — развившийся с начала XX столетия в России и Европе процесс доминирования в обществе нового варварства.

* * *

Активизация варварства является фундаментальной причиной охлаждения отношений между Россией и Европой. Варварство как жизненный уклад, лишенный культуры, настолько развилось, что пронизало собой все структуры материальных и духовных практик обоих обществ. Оно создало и продолжает создавать свои институты, идеологию, захватывает позиции во власти, рекрутирует сообщников.

В России варварство находит почву как в общей культурной деградации, так и в попытках определённых социальных групп подвести многообразие жизни под каноны националистическим образом истолкованных консерватизма и традиционализма. При этом некритическое, иногда суеверное отношение к произвольно выхваченным из прошлого идеям и принципам почитается высшей доблестью, именуется «духовными скрепами».

В Европе варварство вышло на авансцену общественной жизни в трех формах: как и в России — небрежением культурой; собственно европейским — агрессивным противопоставлением мусульманства светскому началу и абсолютизацией индивидуального, рационального и юридического в рамках доминирующей либеральной традиции.

Адекватного понимания феномена современного варварства во всем его многообразии, к сожалению, пока не дано. Что же до описания нынешнего социально-политического кризиса в отношениях России и Европы, то он выполняется сугубо в политико-правовых терминах и не позволяет представить феномен многомерно.

Понимание и преодоление варварства является общей целью России и Европы, общим предметом заботы для тех, кто варварству противостоит — людей культуры.

Повод вновь обратиться к фундаментальной проблеме отношений России и Европы предоставляет нынешний, 120-летний юбилей со дня рождения Владимира Васильевича Вейдле, много сделавшего для понимания сосуществования этих культурных архипелагов. В своем фундаментальном труде «Задача России», изданном в сравнительно недалеком 1957 году, мыслитель утверждал, что «предуказанный» России путь состоит в том, чтобы «сочетать развитие самобытности участием в европейской жизни» [Вейдле 2011]. Вывод о дружественном взаимодействии России и Европы делался им не только на основе сиюминутных интересов, но и на базе многовекового опыта. Концепция Вейдле пронизана идеей взаимной дополнительности базовых ценностей европейской и русской культуры, изначально черпавших силы в общем источнике — христианстве.

В подтверждение правильности этого вывода отмечу, что в идее «сочетания» российско-европейских усилий по окультуриванию народа России состоял главный посыл самого мощного цивилизационного проявления отечественного духа — классической литературы XIX столетия.

К сожалению, «предуказанный» России путь участия в общей с Европой жизни сегодня приносится в жертву сиюминутному конфликту, спровоцированному враждебными культуре силами.

В небольшом тексте нет возможности подробно рассмотреть все стороны и качественные составляющие инициированного варварством раскола между Россией и Европой, поэтому я подойду к его анализу только с «русской стороны». Тем не менее, высказанные идеи, надеюсь, будут иметь отношение и к «европейской» составляющей этого явления.

* * *

Понятие «варварство» сделалось ключевым для феномена российско-европейских культурных связей уже в XX столетии, задолго до современных событий. Впервые в философском контексте в современной гуманитарной мысли оно возникло в 1930 году. Хосе Ортега-и-Гассет в своем знаменитом труде «Восстание масс» говорил о нем, прибегая к терминам «масса», «толпа», «низы». В трактовке Ортеги, масса — «всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, „как все“, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [Ортега-и-Гассет 2003: 19]. В противоположность массе, «избранные» — «те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно». «И конечно, — продолжает Ортега, — радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обя-

зательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить — это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерастить себя» [Ортега-и-Гассет 2003: 19].

Первое обострение болезни варварством Европа пережила накануне и в период Второй мировой войны. В России недуг протекал в более затяжной и тяжёлой форме — от событий Октября и до начала 90-х годов. Впоследствии он перешёл в скрытую форму и вплоть до недавних событий обнаруживал себя в виде «холодного» сосуществования бездумных потребителей и людей культуры.

Один из первых известных мне российских исследователей, обратившийся к проблеме современного («нового») варварства, был профессор А.А. Кара-Мурза, который заметил, что явление «нового варварства» возникает «при нарастании в социуме паразитарно-дистрибутивных отношений за счёт творчески-продуктивных». В предельной форме оно ведёт к «дистрибутивному хаосу» и войне всех против всех. В ситуации нарастающего варварства в социуме укореняется фигура с «непродуктивной индивидуальностью», происходит «растранивание „жизненной силы“, антиправовое покушение не только на чужую собственность, имущество, но и на власть, порядок, авторитет» [Кара-Мурза 1995: 26].

Феномены цивилизации и варварства в последнее время активно исследуются как в России, так за рубежом. Профессор Н.В. Мотрошилова, глубоко анализируя это явление и критически прорабатывая работы западных коллег, отмечает многомерность феномена варварства. В отношении к природе варварство — это доминирование её хищнической эксплуатации и расхищения над сбережением и воспроизведением; в человеческой деятельности — сужение системы разделения труда; в отношениях собственности — закамуфлированный правом её захват или передел; в формах совместного бытия людей — ущемление и подавление их прав, гарантий и свобод, равно как и вытеснение форм взаимодействия и сотрудничества конфликтностью и насилием, а высоких образцов культуры — низкими и т. п. [Мотрошилова 2010: 101–105].

Констатировать проявления «нового варварства» как явлений, в равной мере характерных как для России, так и Европы, нужно, чтобы утвердить понимание: хотя часто раскол между Россией и Европой проводят по их границе, более глубокий раскол имеется внутри каждого из сообществ — между варварами и людьми культуры.

Содержание, а, значит, история вызревания раскола по линии «варвары — люди культуры» в российском и европейском сообществах существенно различается. В то же время механизм (процесс) его «снятия» видится схожим и, что ещё существеннее, согласованным, а, возможно, и совместным. При всей кажущейся утопичности утверждения такого рода, иного способа создать очищенное от варварства будущее России и Европы, на мой взгляд, нет. Иными словами: для противостояния варварству нужен интернационал «людей культуры». Перефразируя известное: «Интеллектуалы всех стран, соединяйтесь!».

Основание задуматься над этой кажущейся фантастической мыслью заставляет прежде всего прошлое. История XX столетия свидетельствует: порознь страны с нашествием внутренних варваров не справляются. Это показали как победы опиравшихся на люмпенов большевиков, так и победы нацистов в ряде европейских стран, пришедших к власти посредством одержимых национальной идеей городских и сельских филистеров.

В чем проявляется раскол между людьми культуры и варварами? Внешне это видится или трактуется в обоих сообществах так, будто разными силами отстаиваются по разному понимаемые ими социально-политические и правовые основы общественного устройства. Отчасти это так. За разными политическими и правовыми принципами в конечном счёте стоят исключаящие друг друга интересы конкретных людей и общественных групп. У всех групп есть свои представления о «правильных», в том числе — наиболее желательных и наиболее эффективных способах организации и функционирования хозяйственной и общественной

жизни. Но сами эти представления являются производными от культуры, в том числе — от созданных в её недрах мировоззренческих систем.

«Восставшими массаами» в России с Октября до конца XX в. были организованные властью низы, которые в обстановке «деспотизма, смягчённого удушением» (Пушкин), под руководством власти создали новый варварский способ хозяйственной и общественной жизни, построенный на эксплуатации человека и природы. Этот способ покоился и, одновременно, воспроизводил общий низкий уровень культуры.

Процесс раскола культуры в России после Октября, её частичное уничтожение и снижение до уровня пошлости не был для страны культурным шоком. И в XIX веке высокая русская культура жила изолированно, соседствуя с низовой и уповая на времена, когда, по словам поэта, «мужик не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесёт». Этого, к сожалению, не произошло.

Движению высокой культуры в народные низы не помогли ни толстовские упования на коллективного Платона Каратаева, ни всхлипы о мужике Марее и шовинистические заклинания о «всечеловечности» русских, периодически выкрикиваемые Федором Достоевским. При этом стоит отметить, что народопоклонство Льва Толстого или Достоевского в русской культуре, при всех усилиях советской пропаганды представить его общепризнанным, таковым не было.

Критического мнения о состоянии народных умов держались, к примеру, Николай Гоголь, Иван Тургенев, Николай Лесков, Антон Чехов. В моих исследованиях темы отношений крестьянства и помещиков я эту проблему раскрываю подробно [Никольский, Филимонов 2008; Никольский, Филимонов 2009; Никольский 2012]. Здесь же ограничусь краткими тезисами.

Так, свое мнение о народе в одном из писем Тургенев выразил так: «С моими крестьянами дело идёт — пока — хорошо, потому что я им сделал все возможные уступки, — но затруднения предвидятся впереди». И далее: «Будем мы сидеть поутру на балконе и преспокойно пить чай и вдруг увидим, что к балкону из церкви по саду приблизится толпа Спасских мужичков. Все, по обыкновению, снимают шапки, кланяются и на мой вопрос: „Ну, братцы, что вам нужно?“ — отвечают: „Уж ты на нас не прогневайся, батюшка, не посетуй... Барин ты добрый, и очень мы тобой довольны, а всё-таки, хошь не хошь, а приходится тебя, да уж кстати вот и их (указывая на гостей) повесить“» [Труайя 2005: 139].

Сострадавая тяжкой жизни крестьянства, Чехов свое понимание крестьянской жизни вложил в формулу: «Кто в деревне не жывал, тот ада не видал» [Никольский 2007]. Труд окультуривания, а иногда и очеловечивания русского народа виделся ему великим, многовековым. Вспомним, что самые светлые его герои ожидают наступления будущей всеобщей трудовой жизни никак не менее, чем через двести лет.

Похоже о народе, который «ни поднимать на ходули, ни класть его себе под ноги», не собирався, высказывается и Лесков, когда «на старости лет» оценивал надежды революционных демократов на появление в стране «новых людей»: «Хотел бы я воскресить Чернышевского и Елисеева: что бы они теперь писали о „новых людях“?.. Если исправничий писец мог один перепороть толпу беглых у меня с барок крестьян, при их же собственном содействии, то куда идти с таким народом? „Некуда“!.. Рахметов Чернышевского это должен был бы знать!.. Ведь с этим зверьём разве можно что-нибудь создать в данный момент?»

— Однако у вас, Николай Семенович, никакого просвета не видно.

...Я же чем виноват, если действительность такова!.. Удивительно, как это Чернышевский не догадывался, что после торжества идей Рахметова русский народ, на другой же день, выберет себе самого свирепого квартального... Идеи, которые некому и негде осуществлять, скверные идеи!..» [Аннинский 1983: 62–63].

Когда в Октябре из рядов радикальной революционной интеллигенции и из народного «нутра» явились бесы, то тут-то и обнаружилось, что великая культура расцветала в варварской стране как редкий, случайный цветок и истинны были пушкинские слова про то, что если и есть в России европеец, то это наше правительство.

* * *

В связи с темой «собственного» и вновь адресуясь к Ортеге, хотел бы обратить внимание на его понимание жизни человека как «факта философствования». «Истинная необходимость — это необходимость для каждого живого существа быть самим собой: для птицы — летать, для рыбы — плавать, для ума — философствовать. Эта необходимость в осуществлении функции или акта нашего существования является самой высокой, самой существенной необходимостью» [Ортега-и-Гассет 1991: 96].

Философствовать, по Ортеге, — «искать целостность мира, превращать его в Универсум, придавая ему завершённость и создавая из части целое, в котором он мог бы спокойно разместиться» [Ортега-и-Гассет 1991: 99]. Жить, то есть реализовать собственное, значит отвергать, находить способы сосуществовать или даже преодолевать смерть, суть которой — лишение собственного. Но понятие смерти эволюционировало. Как же понималась она в XIX столетии и в XX? Вновь обращусь к отечественной философствующей литературе.

С середины XIX столетия в русской классике о смерти говорят не просто как об эмпирическом факте, не имеющем отношения к человеческому духовному началу. Её осмысливают как важную часть жизни и даже возводят в ранг конститутивного момента отечественного мировоззрения. Однако и это, предложенное второй половиной XIX столетия отношение, не сохранилось на длительное время. Новое видение смерти возникает с наступлением новых реалий жизни после Октября. И если XIX век строго отделял смерть от жизни, чем чётко обозначал огромное содержание живого, то в XX веке пространство жизни сведено до минимума, почти полностью накрыто смертным покрывалом. В XIX столетии Лев Толстой между жизнью и смертью ставил границы. В XX веке Андрей Платонов осознал жизнь как царство смерти. Проза первого — рассуждения живого человека о жизни и смерти. Проза второго — рассуждение о жизни мертвеца.

Лев Толстой стремился следовать сформулированной ещё Спинозой и сохранившейся в рационализме XIX века категоричной позиции: «Человек свободный, т. е. живущий единственно по предписанию разума, не руководится страхом смерти..., но стремится к добру непосредственно..., т. е. стремится действовать, жить, сохранять свое существование на основании преследования собственной пользы. А потому он ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость есть размышление о жизни» [Спиноза 1957: с. 576].

Вместе с тем, Толстой всегда боялся смерти и потому искал способов, помогающих преодолеть страх перед ней. Так, размышляя над юношеским опытом, он открывает для себя, что смерть вторична и менее важна, чем исполнение долга, сохранения достоинства и чести. Осмысливая опыт войны, обнаруживает, что любовь к родине — более сильное чувство, чем страх перед смертью. Наблюдая жизнь, Толстой видит, что люди всегда до последнего мгновения ищут способа избежать смерти и потому признает спасительность выработанных «правил остережения» от смерти, установления границ. Смерть, однако, всегда берет верх и потому мудрому необходимо найти в себе силу и основания для смирения перед ней. И Толстому открывается, что единственной избавительницей от страха смерти оказывается любовь, которой человек преисполняется, хотя бы только на пороге смерти.

В отличие от великих предшественников, Андрей Платонов не имел надежды на лучшее. Наследуя идею свободы у Пушкина, он жил в созданной большевизмом тюрьме. Мечтая, подобно Гоголю, о живом человеке, был не в силах вырваться из рукотворного царства

мёртвых душ. Ощущая вместе с Гончаровым животворящее вращение колеса жизни, не видел для человека возможности выйти за пределы уничтожаемого смертью бытия природы. Как и Лев Толстой, Андрей Платонов искал формулу сопряжения жизни и смерти, и также её не находил. Его герои, как у Чехова, пронизаны неизбывной тоской. Но если у автора «Вишневого сада» тоска — преддверие смерти не уничтожает надежды спастись, то у Платонова это начало смертной агонии [Порус 2014]².

У огромного и разнообразного платоновского мира есть одна общая для всего скрепа — смерть. И обретается она не только там, где была в русской литературе прежде, за границей жизни. Большевиком втащил её через порог в человеческий дом и теперь она заменила жизнь. Сказать, кто из героев Платонова жив (пока жив), а кто уже мёртв, нельзя. Все существуют в стадии перехода от жизни к смерти и разница между ними лишь в том, что одни находятся в начале умирания, другие на пороге могилы, третьи уже мертвы. Царство смерти везде, а второго пришествия и воскресения мёртвых не будет [Никольский 2014].

* * *

Советский XX век с небольшим зигзагом в 90-е годы плавно перешёл в постсоветский XXI. И где же, возвращаясь к теме статьи, в «царстве смерти» живёт человеческое «собственное». Где живёт культура? Что происходит с ней в наше время?

Очевидно, что в XX веке русская культура, если и выживала, то ютилась по краям жизни. «Массам» же она доставлялась в усечённом до примитивности виде и такими же далёкими от подлинной культуры «массы» и становились. Связь между высокой культурой прошлого и культурой нынешней была разорвана и сегодня сама память о ней едва теплится. Похоже, мы вступаем в новое общественное состояние, смысл которого — попытка жить без культуры, возврат в варварское состояние.

* * *

Потребительские отношения, вытесняющие возникающие между индивидами отношения творческие — это не некая отличная от субъектов субстанция, а определённая форма неправильной реализации их «собственного». Гипертрофированное развитие задатков потребностей, их доминирование над задатками способностей — базовая черта, которая в конечном счёте определяет формирование массы новых варваров, делает возможным их тотальное доминирование над людьми культуры. Именно не развитое «собственное» (к тому же в реалиях России задавленное борьбой за собственность) и есть та наполняющая социум обстановка, в которую погрузилось наше общество. Массовый психоз с целью обладания и потребления — то доминантное состояние, в котором с начала 90-х годов прошлого века мы пребываем.

При этом, представление о роли в совершающемся «окружающей обстановки» не должно быть недооценено. Конечно, в контексте отечественной гуманитарной тезис о роли «окружающей обстановки» может восприниматься критически. Это понятно. Ведь совсем недавно — в «марксистские», а до них — в «революционно-демократические» времена, указание на обстановку считалось тем, от чего, как считали, полностью зависит внутреннее содержание каждого индивида. (Вспомним и известный тезис К. Маркса в «Тезисах о Фейербахе»: «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [Маркс, Энгельс: 3]).

Однако недавняя абсолютизация фактора обстановки не должна мешать трезво оценивать его действительную значимость. Снова обращусь к Ортеге: «Каждый из нас наполовину то, что он есть, а наполовину — окружение, в котором он живёт. Когда последнее совпадает

² Для знакомства с этой проблемой укажу на статью В.Н. Поруса.

со свойствами нашего характера, благоприятствует им, то наша личность реализуется полностью; одобрение её внешних проявлений побуждает её к развитию внутренних сил. Враждебное окружение, поскольку оно и внутри нас, толкает нас на сопротивление и ведёт к постоянному разладу, угнетает, препятствует развитию и полному расцвету нашей личности» [Ортега-и-Гассет 1991: 70]. То есть, при всей значимости того, что Ортега называет нашим «характером», недооценивать роли «окружения» нельзя. Как и наоборот.

Но для этих «сторон», в рамках которых происходит становление индивида, есть общий знаменатель. Это культура, которая выступает как предмет, осваивая который (на основе которого) индивид развивается, так и инструментом, посредством которого происходит его становление — как внутреннее, так и в рамках «окружающей обстановки» — приспособляясь к ней, изменяя ее.

Аннинский Л.А. 1983. *Некуда: катастрофа в начале пути*. — М.: Издательство «Книга»

Вейдле В.В. 2011. *Задача России*. — Минск: Издательство Белорусского Экзархата — Белорусской Православной Церкви.

Кара-Мурза А.А. 1995. *«Новое варварство» как проблема российской цивилизации*. — М.: ИФРАН.

Маркс К. 2010. *Экономическо-философские рукописи 1844 года*. — М.: Академический проект.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955–1974. *Сочинения, тома 1–39. Т. 3*. — М.: Издательство политической литературы.

Мотрошилова Н.В. 2010. *Цивилизация и варварство*. — М.: ИФ РАН, «Канон+».

Никольский С.А. 2003. *Аграрный курс России*. — М.: Колосс.

Никольский С.А. 2007. Мирознание земледельца в русской литературе XIX века: горестно-обнадёживающий взгляд Чехова. — *Вопросы философии*. — № 6.

Никольский С.А. 2014. О качестве человека. — *Политическая концептология*. — № 2.

Никольский С.А., Филимонов В.П. 2008 *Русское мировоззрение. Том I. Смыслы и ценности российской жизни в философских и литературных произведениях XVIII — середины XIX столетий*. — М.: Прогресс Традиция.

Никольский С.А., Филимонов В.П. 2009. *Русское мировоззрение. Т. II. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия*. — М.: Прогресс-Традиция.

Никольский С.А. 2012. *Русское мировоззрение. Т. III. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40-х — 60-х годов XIX столетия*. — М.: Прогресс-Традиция.

Никольский С.А. 2014. Смерть в осмыслении русской литературы (Лев Толстой и Андрей Платонов). — *Проблемы философии культуры*. — Выпуск 2. — М.: ИФ РАН.

Ортега-и-Гассет Х. 1991. *Что такое философия?* — М.: Наука.

Ортега-и-Гассет Х. 2003. *Восстание масс*. — М.: Ермак.

Порус В.Н. 2014. Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов. — *Вопросы философии*. — № 1.

Спиноза Б. 1957. *Избранные произведения в двух томах. Т. 1*. — М.: Госполитиздат.

Труайя А. 2005. *Иван Тургенев*. — М.: Эксмо.

Хомяков А.С. 1994. *Сочинения в двух томах. Т. 1*. — М.: Московский философский фонд Издательство «Медиум».